

Роман Шкловский

ОДИН НА РЕКЕ

Путешествия с удочкой

12+

Роман Шкловский
Один на реке

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Шкловский Р.

Один на реке / Р. Шкловский — «ЛитРес: Самиздат», 2014

ISBN 978-5-532-07491-0

У автора телепередачи "Один на реке" Романа Шкловского нет съемочной группы. Он сам себя снимает на видео. Плюс ко всему, в большинстве случаев Роман не берет с собой никакой еды и утоляет голод лишь тем, что поймает в реке. Как в своих передачах, так и в книге, автор постарался показать красоту и гармонию окружающего мира. И в этом ему помогает деликатная нахлыстовая удочка. Но так как целью путешествий автора никогда не была только рыбная ловля, то в книге нашлось место для описания впечатлений от посещения множества интересных уголков, встречающихся на пути.

ISBN 978-5-532-07491-0

© Шкловский Р., 2014
© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Вступление или все по восемь	6
Глава первая. Как я стал рыболовом	8
Глава вторая. Первая проба	13
Глава третья. По Дону	15
Верховье. Куликово поле	15
Галичья гора	20
Дон в районе Воронежа	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Все начиналось просто. Я отправился в одиночное путешествие вниз по течению реки, взяв с собой комплект видеооборудования, резиновую лодку, палатку, спальник и нахлыстовую снасть. Что касается пищи, то я решил ограничиться одной головкой лука в качестве приправы к возможной ухе. Так был снят первый видеофильм, который я назвал «Один на реке». Потом это выросло в целую серию получасовых программ, снятых на самых различных реках, озерах и морях. О том, как происходили съемки, о путешествиях, рыбалке, о неожиданных встречах и забавных случаях я постарался рассказать в этой книге. А также о своих приключениях в лесу, тайге, горах и на море.

С уважением, ваш Роман Шкловский

Вступление или все по восемь

Знаете, друзья, на самом деле я увлекся рыбалкой, скажем так, в довольно зрелом возрасте, когда мне было уже далеко за тридцать, а вот путешествиями я бредил с самого детства. Сначала зачитывался книгами Жюль Верна, Джека Лондона, Майн Рида, Марка Твена... потом не мог дождаться окончания школы, затем учеба на геологическом факультете университета и наконец первые настоящие путешествия. Хотя путешествиями, конечно же, это никто не называл. Это была работа в поле. Но тем не менее, за восемь лет геологических скитаний я успел поработать в Восточной и Заполярной Якутии, Хабаровском крае и Центрально-Черноземном регионе. А еще я очень любил фотографировать. Первый фотоаппарат «Смена 8М» мне подарили родители, когда я учился в начальных классах, а фотографировать и впоследствии снимать первые любительские пленочные кинофильмы меня научил отец – сам страстный любитель фотографии и кино.

Так вот, со временем я стал замечать, что сама по себе геологическая наука меня как-то и не очень задевает. Да, дикая природа, горы, тайга – все это мне совсем не приелось, а вот поиски полезных ископаемых в течение восьми лет, прямо скажем, немного поднадоели. Кроме всего прочего, к этому времени мы с женой и маленьким сыном уже вернулись в родной Воронеж, где ни гор, ни тайги нет, а есть работа на буровых скважинах.

Поэтому, когда страна встала на новый капиталистический путь развития, я быстро переквалифицировался в фотокорреспондента, окончил факультет фотожурналистики при Международной конфедерации журналистов и проработал в различных периодических изданиях опять-таки восемь полных лет.

Потом как-то плавно фотоаппарат в моих руках сменился видеокамерой, а моей основной деятельностью стала работа, связанная с производством различных телевизионных программ и фильмов. Спустя еще восемь лет мою голову посетила идея совместить сразу несколько своих любимых занятий. Так сказать, три в одном. Путешествие, видео- и фото-съемка, а также рыбалка, которой я уже успел к этому времени заболеть.

Глава первая. Как я стал рыболовом

В том, теперь уже далеком 1982 году, будучи студентом-геологом, я попал на свою первую производственную практику в один из самых диких уголков нашей необъятной Родины – Заполярную Якутию. Почему диких? Да просто от того района, где работала наша небольшая (всего 7 человек) тематическая партия, до ближайшего якутского поселения было не менее 250 километров, а до поселка, где мог приземлиться самолет, – все 500. И ни одной человеческой души вокруг (кроме нас, разумеется). Кстати, людей там не могло быть в принципе. Им просто там нечего делать. Пушных зверей нет. На предмет золотоносности район был признан бесперспективным еще во времена Дальстроя в 1941 году. Так что с тех времен, вероятнее всего, мы были первыми человеческими существами, которые нарушили покой этого сурового края. Правда, сам я эту суровость как-то не сразу почувствовал. А вот красотища там необычайная. Заберешься на сопку – во все стороны, до самого горизонта цветущая лесотундра. Бесчисленное количество ручьев, речек, озер. И солнце в начале лета «кругами ходит», то есть не прячется за горизонт вообще. Для меня, жителя Центрального Черноземья, это было большим открытием. А еще я здесь впервые понял, что значит словосочетание «непуганое зверье».

В один из самых первых дней к нашему обеденному столу тихонько так из-за деревьев вышел здоровущий лосяра. Стоит, смотрит, не боится совсем. Мы тоже от такой наглости растерялись – сидим, на него смотрим. Так друг другом и любовались, пока лосю не надоело.

Повернулся, ушел. Но лось – это еще ничего. Как-то раз пошел я после завтрака ополоснуть посуду в ручье. Сажу на корточках, намываю тарелку. Вдруг слышу – на противоположной стороне ручья кто-то в кустах шарахается. Я почему-то подумал, что это одна из наших вьючных лошадей отвязалась и бродит. Но тут сквозь кусты начала проглядывать необычайно мохнатая спина «кобылы». В общем, вижу – медведь. Сначала я и не испугался совсем, даже решил пойти на контакт – тихонько так говорю ему: «Ууу...». А он в ответ на задние лапы поднялся, посмотрел на меня и тоже, только на несколько октав ниже: «УУУААУУ». Дальнейшее помню с трудом, а путь, проделанный мной от ручья до лагеря, начисто стерся из моей памяти.

Но самая главная напасть – это комары. Несметное количество комаров. Такого я ни до, ни после в своей жизни не видел. К примеру, снимаешь с костра ведро с супом – оно тут же, как мхом, покрывается толстым (примерно в сантиметр) слоем комаров. И первозданную тишину не послушаешь – в ушах постоянный комариный звон. Единственное спасение было на вершине сопки, там ветер. Ну и еще ДЭТА, было такое замечательное средство от этих гадов.

Вот в такой нескудной, можно даже сказать, веселой обстановке, проходил мой первый полевой сезон.

И теперь, наконец, ближе к рыбалке. В нашей партии должность каюра занимал местный парень, якут Гриша. Вот уж воистину дитя Природы. Он очень слабо разбирался в прелестях цивилизации. Но зато во всем, что касалось охоты, рыбалки, ориентирования, «угадывания» погоды лучшего эксперта было не найти. Вот, к примеру, каким необычным способом он ловил хариуса.

Сначала о приманках. Как я теперь понимаю, это было что-то, отдаленно напоминающее мушки или стримеры, которые сегодня вяжут нахлыстовики. Гриша выдергивал пук шерсти у одной из наших зазевавшихся рабочих собак. Затем делил этот большой пук на маленькие пучочки и привязывал их суровой ниткой к самодельным, сделанным из тонкой каленой проволоки, ржавым крючкам, которых у него было невероятное количество. Когда собаки перестали подпускать к себе экзекутора более чем на 5 метров, в дело пошла его же собачья шапка-ушанка. Следующим шагом было перетягивание при помощи резиновой лодки с одного берега реки на другой обыкновенной капроновой веревки. Вербка оказывалась натянутой чуть-чуть выше уровня воды. И уже к этой веревке Гриша привязывал поводки с мушками. Длина каждого поводка составляла что-то около метра. И все! Теперь только утром и вечером оставалось снимать улов. На каждом (каждом!!!) крючке – хариус. Рыба, конечно вкусная, но чистить замучились – уж очень ее было много. Да и рыбалкой это занятие назвать язык не поворачивается – просто заготовка рыбы. Именно этой мыслью я и поделился с Гришей. На что в ответ услышал, в принципе, довольно философский вопрос: «А что тогда, по-твоему, рыбалка? Я ведь рыбу ловлю. Ловлю много, уже и есть ее никто не хочет». Я начинаю объяснять, мол, надо, чтобы спортивно все было, азартно, интересно – удовольствие чтоб получать от процесса... Вижу по глазам – не понимает, смотрит на меня, как на идиота. ««Ну, ладно», – спрашиваю, – Можешь поймать хотя бы одну, но большую рыбу?» Гриша после недолгой паузы произнес: «Завтра».

Весь следующий день, пока я был занят на своем рабочем маршруте, в голове постоянно крутилась мысль: «Как и какую рыбу поймает Гриша сегодня». Возвратившись в лагерь, я, стараясь не выдавать своего нетерпения и любопытства, как бы невзначай спрашиваю у нашего северного Маугли: «Ну, и где обещанная большая рыба?» А Гриша смотрит так хитро, улыбается и говорит: «Хотел, чтобы интересно было? Пошли, будешь сам большую рыбу ловить, а я покажу как».

Примерно в двух километрах от нашего базового лагеря находилось приличное по размерам озеро. И хотя в ширину оно было не очень большое – где-то от 50 до 150 метров, зато в длину простиралось, по меньшей мере, километра на полтора. На это самое озеро мы и отпра-

вились. Когда подошли к берегу, Гриша скинул свой потрепанный рюкзак и начал доставать из него снасти.

Это были:

- уже знакомый мне моток капроновой веревки;
- с десятков больших алюминиевых ложек с отпиленными ручками и просверленными по краям дырками;
- сделанные из гвоздей «сотки», остро заточенные громадные самодельные крючки;
- небольшой моток тонкой и мягкой проволоки;
- настоящая заводская блесна-«колебалка» с настоящим тройником (наверное, в предыдущий сезон кто-то из геологов подарил).

Первым делом Гриша показал на блесну и заявил, что эта штукавина очень хорошо ловит больших рыб, но мы-то на нее как раз ловить и не будем, потому что он боится ее потерять, а другой такой у него нет. Кстати, я уже потом подсмотрел – Гриша носился с этой блесной, как с писаной торбой. Настоящий ежевечерний ритуал: откроет коробочку, развернет тряпочку, достанет блесну, рассмотрит со всех сторон, – и в обратном порядке: завернет, закроет, спрячет. Ну, так вот. Похвастался он своей блесной, спрятал и стал мастерить самodelки из, так сказать, подручных материалов. С одной стороны ложки через просверленное отверстие прикрепил тонкой проволокой крючок (вернее крюк), а с другой – просто отрезок этой же проволоки длиной сантиметров 20–25. А уже к ней крепко привязал капроновый шнур. Таким образом, получилась настоящая спиннинговая снасть, где леска – капроновая веревка, поводок – проволока, приманка – ложка с крюком. Не хватало только самого спиннингового удилица. Но Грише оно и не понадобилось. До этого я в кино уже видел, как ковбои на Диком Западе кидали лассо. Здесь же, за полярным кругом, на берегу безымянного якутского озера происходило нечто похожее. Раскрутив со скоростью пропеллера у себя над головой самодельную снасть, Гриша умудрился забросить ложку метров на 10–15. (Забегая вперед, скажу, что у меня забросить такой легкий груз, да еще на веревке дальше 5–6 метров так и не получилось). Затем, выждав значительную паузу и напялив рабочие рукавицы, Гриша начал вытаскивать приманку. Резкий, широкий взмах рукой – пауза – взмах – пауза. Со стороны это чем-то напоминало человека, который косит траву в поле. Моего скепсиса хватило ровно на несколько минут, когда на третьем или четвертом забросе Гриша вытащил громадную щуку – по моим меркам, настоящего зубастого крокодила. По крайней мере, до этого я таких щук не видел. После этого Гриша протянул мне свои снасти: «Видел? Лови».

Примерно с полчаса у меня ушло на то, чтобы научиться забросить ложку с крючком хоть на несколько метров от берега. А потом – мой первый трофей. Двадцать шагов в сторону, паратройка неуклюжих забросов – и опять щука. Безмена, естественно у нас не было, но думаю, средний вес у выловленных рыб был не менее 5–7 килограмм.

На следующий день такой способ рыбалки опробовали практически все участники нашей небольшой рабочей группы. И у всех получилось. Конечно, не потому, что мы такие искусные рыболовы (за исключением Гриши, естественно), а потому, что рыбы там было немереное количество, да к тому же совершенно не пуганой и сильно голодной. Но к вечеру уже все наловились, а вскоре мы это занятие забросили вовсе. Во-первых, пропал азарт и новизна (ловится, куда ни кинь), а во-вторых, наелись все этих щук выше крыши, даже собаки отворачивались, а ловить рыбу просто ради удовольствия никому и в голову не приходило.

Наступил 1999 год – год, когда я впервые заболел рыбалкой. А произошло все так.

Я уже распрощался с геологией, успел поработать фотокорреспондентом и начал трудиться в сфере производства документальных телевизионных фильмов и программ. Но тем не менее геологические пристрастия к жизни на природе остались. И они выливались в регулярные вылазки на природу. Надо сказать, что в нашей немаленькой дружной компании, состоящей из четырех семей (все бывшие геологи), только один Олег – большой любитель рыбалки.

Именно благодаря ему в нашем меню постоянно присутствует рыба, приготовленная самым разнообразным способом. Рыболовный стаж Олега берет отсчет с раннего детства. А основной вид рыбной ловли – впроводку и на донные снасти. Почему-то именно такая рыбалка меня нисколько не привлекала. Но у Олега, как и у любого уважающего себя рыболова имелся спиннинг. Дюралевый. С катушкой типа «Невской» и намотанной на нее леской диаметром 0,5 мм.

И вот однажды томным летним вечером, когда диск солнца начал приближаться к вершишкам черных тополей, стоящих на противоположном берегу, ЭТО случилось.

Я ПОПРОСИЛ У ОЛЕГА УДОЧКУ! А так как я не хотел возиться с червями, поводками, грузилами и прочей донной атрибутикой, я попросил спиннинг. Тот самый, дюралевый. Олег дал мне снасть, привязал большую тяжелую блесну и показал, что и как я должен делать, чтобы, с одной стороны, блесна летела в нужном направлении, а с другой – леска не образовывала «бороды». То есть показал азы заброса с инерционной катушкой.

Но одно дело посмотреть и понять, так сказать, теоретические основы спиннингового заброса, и совсем другое воплотить все это на практике. Сначала блесна у меня летела точно под ноги, высоко в небо или в песок, но совсем не в реку. И все же спустя некоторое время моя приманка полетела в сторону воды, причем раз за разом запросы стали получаться все лучше и лучше, а блесна летела все дальше и дальше. И вот тут на меня что-то снизошло...

Представьте: тихий вечер, абсолютно безлюдная песчаная коса, летящая на фоне заходящего солнца блесна с подсвеченными контровым светом капельками воды, слетающими с лески и... тишина. То есть тишина в смысле отсутствия каких-либо посторонних звуков, кроме звуков природы и рассекающей воздух лески. Не знаю, смог ли я хоть немного передать состояние окружающего меня в тот момент мира, но как раз тогда у меня в голове и родилась определенная гармония, которая впредь стала ассоциироваться с рыбной ловлей. А в довершение ко всему в тот мой первый рыболовный вечер мне на блесну села щука.

Ну а дальше, вы понимаете, в каждую нашу вылазку на природу я стал брать у Олега спиннинг и вечерами пытался поймать рыбу. Иногда это удавалось. Конечно, не так часто, как хотелось бы, но все же рыбку ловил. Причем, помимо щуки, попадались и жерех, и даже чехонь. Почему даже? Да потому, что я продолжал ловить на всю ту же здоровенную блесну.

Но по-настоящему мое увлечение рыбалкой началось несколькими годами позже, когда друзья на день рождения подарили мне хорошую безынерционную катушку, а мне «пришлось» докупить к ней нормальную удочку. Причем как-то так совпало, что именно в это время мне в руки впервые попался один из красочных рыболовных журналов. Сам журнал, статьи, фотографии в буквальном смысле открыли для меня новый мир. Нет, конечно же, мир-то для меня не новый – горы, тайга, реки, но все это теперь вместе с рыбалкой, которой я уже успел заболеть.

Последующие несколько спиннинговых сезонов прошли для меня достаточно насыщенно. Я узнал много нового, научился хорошо и точно делать забросы. Теперь мои приманки летели именно туда, куда мне нужно, а не куда получится. Да и способы ловли я опробовал разные – от джигга до вертушки и воблеров. Но, знаете что, друзья мои? В какой-то момент я заметил – что-то изменилось. Что-то ушло. С одной стороны, рыбы я стал ловить достаточно много, на рыбалку стремился выезжать каждую неделю, но... Теперь весь процесс превратился для меня лишь в азарт поиска и поимки рыбы. Пропало то самое чувство полного единения с природой, та самая гармония «летящей на фоне заходящего солнца блесны».

И вот в один из зимних вечеров я случайно увидел телевизионную программу о нахлысте. Я моментально понял, что это мое. Здесь было все то, чего мне не хватало в спиннинге: плавный, очень красивый заброс, причем эта плавность создавала ощущение абсолютного спокойствия, а главное, даже наблюдая все это лишь на экране телевизора, я уже почувствовал свою гармонию.

Стоит ли говорить, что следующий сезон я провел с нахлыстовой снастью. А вот первой моей нахлыстовой рыбой стала, как ни странно, красноперка. В самом начале моих робких попыток поймать рыбу нахлыстом произошел довольно забавный случай. А дело было так.

Не зная даже основных правил вязания нахлыстовых мушек, из страусового пера, подаренного мне моей племянницей, балериной, я изготовил нечто, напоминающее миниатюрный ершик для мытья посуды. Взяв эту, если можно ее так назвать, мушку, я отправился на берег близлежащего водоема и стал учиться делать забросы. Удивительно, но на моего «ершика» сразу стала ловиться красноперка, да еще и довольно крупная для наших мест – по 150–200 грамм каждая. Причем поклевки происходили буквально через каждый заброс. И как оказалось, все это действие разворачивалось на глазах у двух ребят, которые недалеко от меня ПЫТАЛИСЬ ловить спиннингом окуня и мелкую щучку в прибрежных зарослях. Через некоторое время они прекратили бесполезное полоскание своих приманок и долго рассматривали мою снасть, а я с видом победителя важно отвечал на все их вопросы. В общем, очное знакомство с нахлыстовой ловлей не только не разочаровало меня, наоборот, оно только добавило очарования.

Потом были рыбалки на разных речках средней полосы, поездки на Кольский полуостров, чистые реки, озера, первая кумжа, пойманная на самом сливе... мне на самом деле трудно передать те ощущения, которые возникают при ловле и вываживании рыбы с помощью нахлыстовой снасти. К завораживающему эффекту от нахлыстового заброса, от шелеста разворачивающегося в воздухе шнура добавляется удивительное чувство прямого контакта со своим трофеем. А если учесть мягкость и чувствительность нахлыстовой удочки, становится понятно, почему голавль весом в один килограмм – это уже довольно достойный соперник.

В общем мне нахлыстовая снасть помогла острее переживать мгновения, проведенные на природе с удочкой, а главное – вновь вернула чувство гармонии и единения со всем окружающим миром, немного потерявшееся на предыдущих рыбалках.

Но, как правило, человеку (по крайней мере мне) всегда чего-то не хватает, поэтому я попытался соединить два своих основных увлечения: парус и ловлю рыбу на искусственную мушку. На надувном парусном катамаране мне довелось побывать на Онежском озере, Азовских лиманах и реке Дон. Затем на небольшой парусной лодке я совершил увлекательное путешествие к берегам Чудского озера. Эти путешествия не только помогли мне расширить кругозор, но и подарили массу положительных эмоций. Представьте, встречи с очень интересными людьми, необыкновенные места, ветер в парусах, блики солнца на воде и... конечно же, нахлыстовая рыбалка, или, как мне гораздо больше нравится, Flyfishing.

Глава вторая. Первая проба

Задумал я как-то снять очередной фильм про рыбалку, но в последний момент все сорвалось – так сказать, из-за человеческого фактора. Говоря проще, у товарища, с которым я договаривался на съемки, в самый последний момент возникли непредвиденные обстоятельства и наш проект приказал долго жить. Досадно было, что и говорить. Ну да ладно, проехали... Но осадок остался. А вдруг и в следующий раз так же? И тут я в одном магазине случайно наткнулся на диск известного выживальщика в дикой природе Лэса Строуда. Почитал аннотацию, купил. Признаюсь, для меня это стало настоящим открытием. Человек сам себя снимает несколькими видеокамерами!!! Я к тому времени уже довольно долго профессионально занимался видео- и кинопроизводством, но сам до такого не додумался. А тут мне открылись вся прелесть и все преимущества такого подхода. Не надо ни с кем договариваться! Ни по времени, ни по месту, ни по содержанию – вообще ни с кем и ни о чем! Кроме себя, любимого. Да, конечно, немного сложнее самому быть не только за кадром, но и в кадре. До этого я успел поработать и оператором, и режиссером, и режиссером монтажа, и сценаристом, но в кадре не был никогда, интервью не давал, в роли ведущего не выступал, только другим давал советы, а сам даже не пробовал. Но в конце-то концов надо же чем-то расплачиваться за такую неограниченную свободу. В общем, решился.

Река Хопер, резиновая лодка, две видеокамеры, два штатива, палатка, спальник, туристическая пенка, нахлыстовая снасть, котелок – вот, собственно, и весь мой багаж. А еда? Под впечатлением фильмов вышеупомянутого Лэса Строуда, я решил тоже отказаться от продуктов и взял с собой лишь немного соли и головку лука в расчете на уху из пойманной рыбы. Тут надо пояснить, что на самом деле в тот момент я только-только осваивал нахлыстовую снасть и практически никакого опыта ловли рыбы нахлыстом у меня не было. Но... сказано – сделано. Я отчалил. Если честно, то большого экстрима и не предвиделось. Ведь сплав был рассчитан на три-четыре дня, а за такое время люди с голоду не умирают.

В первый же день затянул нудный мелкий дождик и я, отплыв совсем недалеко от места старта, решил стать лагерем на большой песчаной косе. Правда, меня немного смутило огромное количество кабаньих следов на этом пляже. Не то, чтобы я сильно боялся их нашествия на мой лагерь, но доля настороженности появилась, скрывать не буду. Да и вообще я заметил, что пребывание в одиночестве в отрыве от цивилизации как-то обостряет все чувства. Видимо атавизм далеких предков дает о себе знать.

Итак, я поставил под начинающимся дождем свою палатку, собрал нахлыстовую снасть и поплыл к противоположному берегу за голавлями. По всем признакам, а это был обрывистый закоряженный участок, голавлей там должно быть, как форели в рыбном отделе супермаркета. Это я так думал. Но речка – не магазин, а фишинг – не шопинг, и я в этом убедился, промокнув до нитки под дождем и не увидев не одной поклевки. Даже самого малюсенького голавлика. Так что спать я в тот первый вечер на реке укладывался без ужина. Хочу сказать, что и дальше, на протяжении всего моего небольшого маршрута я все время испытывал чувство легкого голода. Нет, голавлей я все-таки поймал, да и не только голавлей – красноперка, чехонь, уклейка тоже присутствовали в моих уловах. Правда, рыб трофейных размеров я так и не увидел, но на уху для одного человека хватало за глаза. Другими словами, совсем уж голодным я не был, но рыбная диета все-таки сильно надоела, и есть хотелось постоянно. С другой стороны, не хлебом единым жив человек, а природа на Хопре великолепная! Длинные песчаные косы, девственный пойменный лес, закаты и рассветы, красивая и чистая река – благодать, да и только.

А вот что касается видеосъемки, то пришлось попотеть. Представьте сами. Допустим, надо мне снять небольшой проплыв на лодке. Что приходится делать? Выставлять на берегу камеры, одну из них настраивать на общий план, другую на крупный, включать их, садиться в лодку, отплывать вверх по течению, сплавать мимо камер, возвращаться к ним, выключать... и смотреть, что получилось. И если с камерой на общем плане проблем, как правило, не было, то с крупным планом я частенько промахивался. Приходилось повторять всю процедуру заново. Или съемка рыбной ловли. Я и так-то нахлыстовик, прямо скажем не ахти, а тут еще надо снять и заброс, и поклевку, и, главное, вываживание. К тому же рыба на крючке в съемках принимать участие не очень-то и стремится и хочет к себе в глубину, а не ко мне в котелок. Кстати, как это обычно и бывает, севшая один раз на крючок большущая рыба, сорвалась, когда я занимался с видеокамерой. Легче давались съемки в лагере. Там все просто. Выставил две камеры на разные планы и снимаешь какое-либо действие: разведение костра, постановку палатки, приготовление пищи, – не важно что, главное камеры почаще переставлять, чтобы видео разноплановым получалось.

Так, немного голодный, уставший от постоянной работы с камерами, но в общем-то счастливый от пребывания на реке, я прибыл на конечную точку своего маршрута, где меня поджидал друг со всякой снедью. Потом я смонтировал небольшой фильм, который вызвал достаточно хорошие отзывы. На этом мои эксперименты с освоением профессии человека-оркестра благополучно закончились. И повторять подобное я не очень-то спешил. Все-таки нагрузка получается гораздо солидней, чем снимать других рыбаков. Но спустя пару лет мне предложили сделать серию подобных телепередач. А я... согласился.

Глава третья. По Дону

Верховье. Куликово поле

Мое путешествие по этой великой реке началось в местах, где Дон сам на себя не очень-то похож. По крайней мере, на мой взгляд. Я привык видеть эту реку довольно широкой и глубокой. У нас в Воронежской области это самая крупная водная артерия. И от берега до берега даже в самом узком месте расстояние составляет никак не меньше ста метров. А здесь, в Тульской области, где я решил спустить свою надувную байдарку на воду, река больше похожа на крупный ручей и почти в любом месте ее можно спокойно перейти в вейдерсах. Правда, даже на первый взгляд понятно, что это самая настоящая голавлиная речка – с каменистыми перекатами, обрывистыми берегами и глубокими омутами, над которыми нависают ветви кустарников и деревьев. В общем, по всем параметрам рыбалка обещала быть увлекательной.

На самом деле я выбрал эти места неслучайно и нельзя сказать, что я здесь оказался впервые. Известный и популярный нахлыстовый фестиваль «Встреча старых друзей», который я стараюсь не пропускать, проходит на этих берегах, так что некоторые уловистые точки я приглядел заранее. Вернее, потенциально уловистые, так как во время проведения фестиваля я на этих точках ни разу ничего достойного не поймал, но списал это не на отсутствие рыбы, а

на присутствие большого количества нахлыстовиков, пытающихся обмануть ее искусственной мушкой.

Что еще меня привлекло в эти края! Здесь не то чтобы очень красивая природа, но, знаете, чувствуется простор. Именно ощущается всем нутром. Почему так, не знаю. Может это пьянящий аромат лугов? Или сама река, петляющая среди зеленых холмов? Или осознание того, что именно здесь более шести веков назад сошлись в великой битве русские воины с золотой Ордой? Не знаю. Но что-то особенное и неуловимо волнующее в этих местах точно есть.

Я расставил две свои основные видеокамеры на штативах и мое путешествие по Великой реке началось.

Хочу немного рассказать о своем видеооборудовании. Мне часто задают один и тот же вопрос: «А чем ты снимаешь? Наверное, очень крутая техника? И стоит немерено?» Так вот, друзья, техника у меня совсем не крутая. Мало того, с таким набором, как у меня, думаю, трудно получить заказ даже на свадебную съемку – уж очень несолидно выглядит мое оборудование, в том числе и основная камера. В общем-то она и есть по сути бытовая, но с более высокой скоростью видеопотока, чем уж у совсем дешевых представителей этого семейства. Чтобы не вдаваться в технические дебри, скажу только, что качества ее картинки вполне достаточно для любого телевизионного канала, а солидность мне показывать, кроме как самому себе, некому. В качестве второй видеокамеры я использую зеркальный фотоаппарат. Им я снимаю всю красоту... есть еще третья, совсем маленькая, так называемая экшн-камера, на которую ложится экстремальная, в том числе подводная, съемка. Плюс два штатива, запасные аккумуляторы – вот и весь съемочный комплект, который легко умещается в надувной байдарке.

Я не спеша накачал байдарку, стащил ее по крутому обрыву к воде, собрал свою любимую нахлыстовую удочку и тронулся в путь. Но сразу, буквально в ста метрах от места старта, открылся великолепный пережат. Ну, как тут не остановиться? Естественно, байдарку с вещами привязываю к дереву, растущему на берегу, а сам чуть ли не бегом ловить рыбу.

Все-таки странная вещь – эта рыбалка. По крайней мере я не могу разумно объяснить, в чем ее притягательность. Да, собственно, и объяснять-то не надо, кто не пробовал – не поймет, а кто рыбачит – сам все знает. Не зря же существует поговорка: «Рыбак рыбака видит изда-лека». Я сделал несколько забросов и вот она – первая поклевка, первый небольшой голавлик на крючке. Ну все – теперь не оторваться. Пока не утолю свой рыболовный голод, вряд ли куда сегодня сдвинусь. Но спустя примерно полчаса, поймав еще несколько совсем уж мелких представителей рыбьего племени, я решил все-таки продолжить путь. Вот если бы я поймал здесь более или менее трофейную рыбку, тогда можно было бы остаться и на вечернюю зорьку, а так... Тем более где-то вдалеке начал гроыхать гром и прямо по курсу небо уже потемнело.

Начало лета – время гроз. Это я прочувствовал на себе. Только что, казалось бы, светило солнышко и ничто не предвещало непогоды, и вот я уже гребу под сплошной стеной проливного дождя, а моя байдарка понемногу превращается в ванную. Несмотря на то что все аппарата спрятана в герметичный водонепроницаемый баул, палатка, спальник и запасная одежда тоже находятся в гермомешке, а сам я в вейдерсах и непромокаемой рыболовной куртке, гре-сти под проливным дождем, когда вокруг постоянно сверкают молнии и гремит гром, удовольствие, прямо скажем, сомнительное. Причем как-то странно получилось, что гроза не закон-чилась до самого вечера. Вернее, грозы следовали одна за другой с минимальным перерывом.

И в конце концов я принялся устраиваться на ночь уже в полной темноте и опять под проливным дождем. Кое-как поставил палатку, запихал в нее особо ценные вещи и залез сам. Байдарку я вытащил на берег и перевернул, а под нее сложил котелок, удочки и продукты. В палатке зажег маленький фонарик, и сразу мир вокруг уютным и по-домашнему теплым. Почему так? Казалось бы, всего-навсего палатка, тонкая материя отделят меня от стихии, а чувствуешь себя полностью защищенным. Парадокс!

Я съел пару сухарей, запил их водой и улегся спать. Вроде ничего особенного и не делал, а устал. Гроза понемногу уходила куда-то на север, дождь успокаивающе барабанил по палатке и я, завернувшись в теплый спальник, уснул.

Проснулся от каких-то непонятных звуков. По крайней мере, я этих звуков никак не ожидал. Блеяли овцы. «Ме... ме... ме...» – раздавалось совсем рядом. Я тут же вспомнил про оставленные под байдаркой запасы сухарей и впопыхах расстегнул «молнию» палатки. В глаза мне ударил яркий солнечный свет, я зажмурился, а когда вновь открыл глаза, на душе сразу отлегло – стадо овец гуляло по противоположному берегу. Моим запасам ничто не угрожало. И тут я почувствовал острый приступ голода. Немудрено – я вчера целый день ничего не ел, и только вечером сжевал два сухаря, запив их холодной водой. А тут еще овцы своим видом распалили во мне первобытные инстинкты. Я почему-то начал представлять этих мирных животных, поджаривающихся на вертеле на огромном костре... Да, голод – не тетка, пора готовить завтрак, а то и не такое привидится. Хотя вчера в порыве всеобъемлющей любви к окружающему миру я почти всех своих голавликов отпустил, так что на уху у меня есть только один, который с такой жадностью заглотил мушку, что не оставил себе никаких шансов на выживание. Ну, на безрыбье и рак – рыба, будет уха не очень наваристая, но все равно вкусная.

Поев жиденького рыбного супчика все с теми же сухарями, просушив на солнышке все вещи, я только сейчас огляделся и понял, что лучшего места для рыбалки и не придумать. Здесь река образовала большой мелководный плес, на выходе из которого есть несколько омутков с нависшими над ними ветвями больших деревьев. Основной поток проходит совсем рядом. Другими словами, идеальное место для голавля. И что еще очень здорово – можно ловить взабродку, не используя байдарку. Правда, подойти к этому месту я мог только сверху, то есть вниз по течению, так что передвигаться следует очень и очень тихо. Что ж, тем азартнее и более похоже на настоящую охоту.

Я быстро облачился в вейдерсы, привязал своего любимого тощего тонущего жука из пенки и осторожно, стараясь не шуметь, стал заходить в воду. Несмотря на то что вчера полдня и полночи шел дождь, вода в речке была на удивление прозрачная. В поляризационных очках видны все камешки, все травинки, танцующие в такт с течением какой-то свой, не прекращающийся ни на мгновение танец. Если честно, я всегда с замиранием сердца захожу в вейдерсах в воду. Ведь это совсем не то, что ловить с берега или даже с лодки. Здесь ощущаешь себя частичкой этого водного мира и создается ощущение, что вот-вот тебе откроются все его тайны...

Я вышел на дистанцию заброса и начал разворачивать шнур над головой, благо места было предостаточно. И знаете что, дорогие друзья, уже сам звук разворачивающегося над головой шнура ввел меня в состояние, близкое к эйфории. Я знал. Да, да, именно знал, а не надеялся, что этот мой первый заброс принесет поклевку. Такое редко бывает. Наверное, как раз это и называется шестым чувством, или предчувствием. И, что самое удивительное, именно так и произошло. Я послал жука под самую ветку дерева. Жук, подхваченный течением, стал набирать скорость, вот-вот и он выйдет из зоны потенциальной засады голавля, натянет леску и за ним побегут «усы». Но, в самый последний момент, когда я уже собирался сдернуть жука с пленки воды и сделать новый заброс, голавль клюнул. Вернее, жук просто исчез с поверхности, и только в следующий миг я почувствовал живую тяжесть на том конце шнура. Такой силой не мог обладать ни один из вчерашних недомерков, я наконец-то подсек настоящего голавля. В качестве поводка у меня стояла обычная монофильная леска диаметром 0,14 мм. Поэтому я, чтобы не допустить обрыва этого слабого звена, в первые мгновения вываживания почти не придерживал катушку и она свободно стравливала шнур. Но все-таки голавль – не лосось, до бэкинга дело, конечно же, не дошло. Рыба начала уставать. Еще пять минут – и красавец голавль уже в моих руках. Не буду говорить, что это был супертрофей, но к килограммовой отметке его вес явно приближался.

Теперь хочу немного прояснить, возможно, незнакомые термины для читателей, не знакомых с нахлыстовой снастью. Я, признаться, сам очень не люблю, когда в тексте встречаются слова, понятные только специалистам, поэтому постараюсь вас, дорогие друзья, не оставлять в неведении и не тратить время на поиски значений в Интернете. Так вот, нахлыстовая снасть состоит из удилица и катушки. На катушку намотаны:

Первое. Так называемый бэкинг. Название происходит от английского слова back, что в переводе означает «назад». То есть этот самый бэкинг привязывается первым к сердечнику катушки. Он служит как бы подложкой или, если хотите, подстилкой для следующего за ним шнура и особо важен при вываживании крупной рыбы, когда становится критичной длина всей леси. А так как нахлыстовый шнур редко бывает длиннее 30 метров, бэкинг в данном случае и служит своеобразным удлинителем. При охоте за семгой не лишним будет намотать и несколько десятков метров бэкинга. Как видно из вышесказанного, следующим элементом, идущим за бэкингом, будет нахлыстовый шнур.

Второе. Нахлыстовый шнур в общем и целом служит одной основной цели. Так как приманки в нахлыстовой ловле практически ничего не весят, забросить их на какое-либо внятное расстояние можно лишь с утяжелителем. Шнур как раз и является таким своеобразным грузиком. В чем его преимущество перед, допустим, тяжелым поплавком или другим грузом? Да в том, что с его помощью можно не только очень тихо и аккуратно, буквально как пушинку, положить мушку на воду, но и вообще делать массу, на первый взгляд, невообразимых вещей. Ну, например, послать мушку «за угол» (за камень, за корягу, под нависающие ветви и т.д.). Я уж не говорю о красоте нахлыстового заброса. Ведь недаром, многие вообще перестают ловить рыбу и ударяются в чистый кастинг (изучение и овладение различными видами забросов).

Третье. Далее, как правило, к шнуру привязывается подлесок. Они бывают разные – тонущие, плавающие, плетеные, монофильные и всякие другие. Но главное, почти все подлески имеют форму конуса. В части, где подлесок соединяется со шнуром, он толще, а на другом конце тоньше. И вот к этому тонкому концу прикрепляется обычный поводок.

Четвертое. Поводок, как правило, делается из обычной или флюорокарбоновой лески, а его толщина зависит от предполагаемого веса и силы трофея. И наконец к поводку привязывается сама нахлыстовая приманка – мушка.

Пятое. В нахлысте используют искусственные приманки – мушки. Многие нахлытовики, если не сказать большинство, занимаются изготовлением мушек сами. И это тоже одно из направлений, которое вылилось в отдельный вид настоящего искусства.

Итак, подытожим. Нахлыстовая снасть – это удочка с катушкой, на которой последовательно находятся бэкинг, шнур, подлесок, поводок и мушка. Вот так, все очень просто. Что же касается меня, я обычно бэкинг не наматываю, так как еще не встречалась мне рыба, которая стащила бы весь шнур. Когда такой монстр клонет, тогда и начну подматывать бэкинг.

Ну а голавля я, конечно же, отпустил. Вообще, для меня, если честно, не совсем понятен закон, который не разрешает брать рыбу, не дотягивающую до определенного размера. В этом случае получается, что можно спокойно, по закону, изымать половозрелые особи, которые к следующему или даже в этом сезоне могут принести миллионное потомство, а вот мальков, у которых и так шансы на выживание невелики, почему-то трогать нельзя. Логика для меня выглядит, мягко говоря, странно. Хотя эмоционально, конечно же, все понятно.

Так вот, голавля я отпустил, загрузил байдарку вещами и не спеша тронулся дальше. Мое передвижение несколько отличается от обычного сплава. Ведь мне необходимо не просто плыть по течению, а еще и снимать весь этот процесс на видео. И, чтобы картинки были разноплановыми, я часто причаливаю к берегу, ухожу вперед, ставлю там на штативе камеру, возвращаюсь и сплавливаю по реке, но уже «в кадре». Кроме того, в потенциально уловистых местах, я останавливаюсь и ловлю рыбу. И соответственно, снимаю этот процесс тоже. Так что скорость моего передвижения по реке невелика. Но, с другой стороны, в мои задачи не

входит постанова каких-либо рекордов, да и протяженность маршрута ничем в общем-то не ограничена.

Ближе к полудню я оказался в месте, где в Дон впадает речка Непрядва. Именно здесь, как считают историки, войска Дмитрия Донского переправились на правый берег Дона. Интересно, в те далекие времена река была такой же или все же более полноводной? Как вы думаете? Я собственно, почему спрашиваю? Просто сейчас в этих местах реку можно перейти вброд почти в любом месте. Может быть, раньше было не так все просто.

И еще, что для меня совсем немаловажно, здесь на берегу есть святой источник с чистой и вкусной водой. Естественно, я не преминул этим воспользоваться и не только напился впрок, но и наполнил все свои емкости. Это во времена Дмитрия Донского воду из реки, может быть, и можно было пить просто так, но сегодня... я уж лучше из источника. На всякий случай.

Я проплыл еще несколько километров вниз по течению и решил встать лагерем у живописного переката. Тем более что по небу опять загуляли грозные тучи, где-то вдалеке загрозил гром, а второй раз подряд устанавливать палатку в грозу и под проливным дождем мне что-то не хотелось. Я быстро нашел ровное место для палатки, разбил лагерь и отправился на перекат на рыбалку. На этот раз не для удовольствия, а из чувства голода. Чтобы наловить себе рыбки на обед мне понадобилось около получаса.

Кстати, и здесь на перекате я ловил на все того же тонущего жучка. Как правило, большинство имитаций жуков, предназначенных для ловли голавля, скопированы с майского жука. А мой жук совсем на майского не похож. Так в чем же его основные отличия? Ну, во-первых, как и понятно из названия, жук не сухой (так у нахлыстовиков называются плавающие приманки, которые не тонут), а мокрый (как вы догадались, слово «мокрый» означает приманку, которая как раз таки тонет). А во-вторых, он имеет явно выраженную вытянутую форму, поэтому я его называю тощим.

Иногда, я подгружаю этого жучка еще свинцовой проволокой. Тогда даже на довольно сильном течении его веса обычно хватает для того, чтобы достигнуть донных слоев воды.

Сварив небольшой котелок наваристой ухи, заправленной луком, солью и сухарями, я устроился на берегу реки и впал в состояние некой прострации. Текущая вода, бегущие по небу облака и сытость в желудке прогнали на некоторое время из головы все мысли. Между тем раскаты приближающейся грозы и потемневшее небо все-таки вывели меня из ступора и я, проверив, хорошо ли привязана байдарка, отправился спать в палатку. Завтра за мной должна приехать редакционная машина, и на этом мой первый короткий этап путешествия по верховьям реки Дон завершится.

Галичья гора

В этот раз я решил вместо своей проверенной байдарки использовать надувной катамаран. И то и другое, то есть и катамаран, и байдарку для путешествий и съемок мне предоставила фирма «Вольный ветер». Основная часть их продукции предназначена для экстремальных сплавов по порожистым рекам, но я приспособил оба суденышка для своих целей. Взять хотя бы ту же байдарку. У меня модель «Каньон соло». Как следует из названия, основное ее предназначение – бурные воды. В связи с этим – двухслойные баллоны и надувное дно. И все бы хорошо, но ловить рыбу, да еще с помощью нахлыстовой снасти, сидя на дне буквой «Г» и вытянув вперед ноги, для моего не очень тренированного тела, выходило, мягко говоря, несколько затруднительно. После пары часов, проведенных в таком положении, мой организм начинал отчаянно протестовать, и даже разминка на берегу не могла заставить его вновь занимать «свое» место. Поэтому, недолго думая, я вынул надувное дно, а в качестве сиденья начал использовать обыкновенный кусок фанеры, положенной прямо на борта байдарки. Тем самым я принял привычное и удобное положение, как для гребли, так и для ловли рыбы. Мало того, вес и объем байдарки значительно уменьшились, а полезный внутренний объем увеличился. Конечно, такая, с позволения сказать, модернизация возможна только на спокойной воде и не о каких преодолении порогов речь уже не идет.

Теперь вернемся к катамарану. Как я уже говорил, это судно тоже производства фирмы «Вольный Ветер» называется «Валдай-2», оно предназначено для туристических сплавов. Как выглядит стандартное путешествие на таком катамаране? Между двух поплавков на поперечные балки натягивается палуба из прочного материала, на которую укладываются вещи, а на каждом поплавке, обычно верхом на рюкзаке сидит по гребцу с веслом. Таким образом, судно управляется, двигаясь вниз по течению. Ну, иногда, в стоячей воде, приходится обоим седокам применять мускульную силу, поэтому такой ситуации стараются избегать или использовать силу ветра, то есть ставить парус. Но к парусному вооружению я еще вернусь, а пока разговор ведется о самой конструкции. Как вы понимаете, в изначальном, так сказать, в своем первоизданном виде мне, как путешествующему в одиночку, это судно, казалось бы, не подходило. И я провел небольшую реконструкцию. Первое, что я сделал, нарезал куски фанеры так, чтобы получилась жесткая палуба. И уже к этой палубе прикрепил уключины под распашные весла. Тем самым я убил сразу несколько зайцев. Во-первых, я получил возможность гребсти одному, как на обычной весельной лодке. Во-вторых, жесткая палуба позволяет не только сидеть, но и стоять, прыгать и ловить рыбу, перемещаясь по судну, как только душе угодно. Ну и в-третьих, такая конструкция избавляет от необходимости искать место для лагеря, так как палатку можно установить непосредственно на палубе катамарана. Из недостатков можно условно отметить лишь один – утяжеление конструкции и большие габариты в разобранном виде. Но это все на самом деле довольно условно, так как изначально тук с катамараном я намеривался перевозить только на транспорте. Точнее на своем или редакционном автомобиле, а несколько листов фанеры для перевозки в машине погоды не делают.

В общем, в очередное путешествие по Верхнему Дону я взял на испытание катамаран и, главное, новенькую палубу к нему. Редакционная машина высадила меня в устье реки Быстрая Сосна, впадающей в Дон. Мы быстро выгрузили мои вещи и водитель, лихо развернувшись и зачем-то обдав меня дорожной пылью, скрылся за холмом. Как только я немного отчихался и пыль осела, я принялся за сборку своего плавсредства. Примерно через час мое небольшое суденышко с уложенными и привязанными вещами тихо покачивалась у песчаного берега. Я присел передохнуть перед дорожкой... Хорошо! Птички поют, тишина, тепло, но не жарко, солнышко светит, рыбка изредка плещется... лепота!

Но пора и в путь. Как и ожидалось, катамаран проявил себя с самой наилучшей стороны. Он оказался очень послушен в управлении. Под веслами шел гораздо шустрее и легче любой надувной лодки, на которых я пробовал до этого ходить. Но главное, я ощутил всю прелесть свободного хождения по палубе. Как это, все-таки удобно – делать нахлыстовые забросы и ловить рыбу, не скрючившись в байдарке, а гордо и уверенно стоя на палубе собственного судна!

Рыбка, кстати не заставила себя долго ждать. Да это и не удивительно. Ведь, сплаваясь по течению вдоль берега и делая забросы под кусты, не поймать голавля практически невозможно. Другое дело, какого размера. Лично мне, как обычно, в основном попадались самые мелкие представители голавлиного племени. Ну да ладно, я всегда говорю, что моя рыба меня подождет. Никуда не денется. Хотя, справедливости ради и забегаю немного вперед, скажу, что в эту поездку я так и не дождался поклевки голавля, вес которого перевалил бы за отметку 500 грамм. Так что рыбалкой в этих местах Дон меня не очень побаловал.

Весь день я сплавливался по течению реки, изредка останавливался на перекатах и небольших островках, ловил рыбу, снимал пейзажи и свое путешествие, просто валялся на палубе и смотрел на бегущие по небу облака. В общем, что уж там таить, просто наслаждался погожим деньком, да и самой жизнью. Но, как и положено в начале лета, к вечеру легкие облачка начали потихоньку трансформироваться в тяжелые тучки. Пора бы куда-нибудь причалить. Нет, понятно, что спать я теперь могу на катамаране, но все равно, хотелось бы, чтобы и при-

ятное местечко было, и по бережку походить с удовольствием, и костерок разжечь. Другими словами, «все коммуникации и вид на море».

Признаюсь, такое щепетильное отношение к выбору места для лагеря у меня осталось еще с юности, когда я работал в геологических партиях в Якутии и на Дальнем Востоке. Еще тогда я заметил, что по отношению к этому жизненному вопросу моих коллег можно было условно разделить на две явные категории. Одна категория – это те, для кого каждый лагерь – дом родной, где все должно быть на высшем уровне: и место красивое, и питьевая вода рядом, и «вид из окна». Причем удаленность от основных рабочих точек и маршрутов принципиального значения не имела. Они согласны пройти лишние пару-тройку километров ради того, чтобы в лагере можно было отдохнуть не только телом, но и душой. Вторая же категория полевиков придерживалась принципа «все равно, где кости бросить», лишь бы до работы рядом, хотя и это «все равно». Я сначала как-то не очень обращал внимания на все эти различия, пока не произошел один довольно забавный случай.

Мы перебазировались с одного участка на другой. В этот раз расстояние между участками было довольно приличное, и надо было преодолеть вброд несколько небольших речушек и, что самое неприятное, два перевала. Хотя, судя по карте, перевалы были относительно пологими. Чтобы успеть пройти расстояние за световой день, мы рано утром навьючили лошадей и тронулись в путь. Особенность передвижения с вьючными животными состоит в том, что нельзя останавливаться, так как при любой малейшей остановке лошади сразу ложатся, а поднять их с грузом абсолютно нереально. Приходится развьючивать, а потом снова увязывать и утягивать весь груз. Учитывая дикий и норовистый характер наших копытных помощников, каждая такая операция стоила немалых сил и, главное, нервов. Уж лучше без остановки. Так мы и шли.

Первый перевал прошел незаметно, но когда мы спустились в долину, усталость все же дала о себе знать. Но мы, собрав волю в кулак, не дали себе расслабиться и, стиснув зубы, двинулись вверх по течению ручья. Ведь впереди нам остался всего лишь один перевал, за которым мы планировали разбить лагерь. Тем не менее чем выше мы поднимались в горы и чем ближе становился перевал, тем чаще в душу стали закрадываться сомнения. Уж очень отвесными казались впереди стоящие скалы. О каком движении с лошадьми может идти речь? Непонятно. Но мы шли. Ведь, вполне возможно, пока просто-напросто не видны все нюансы.

Но вот лес закончился, впереди открытое просматриваемое пространство. Ясно, что перейти эти горы может быть и можно, но только имея навыки скалолазания, чего наши вьючные животные явно делать не могут. Причем, как только мы остановились, они, естественно, тут же рухнули на землю со всем грузом. Да и мы тоже, если уж быть откровенным, развалились рядом. Силы кончились. Решили переночевать, а утром разбираться, что да как делать дальше. Это был мой день рождения. Запомнился надолго.

С утра пораньше залезли на близлежащую сопку, осмотрелись, еще раз внимательно изучили карту и поняли, что вчера, когда мы спустились в низину после первого перевала, была сделана первая ошибка. Мы не дали отдохнуть лошадям и не отдохнули сами. Из-за этого сразу сделали вторую ошибку – пошли вверх не по тому ручью и соответственно попали не в тот распадок. А ведь стоило только посмотреть карту и чуть оглядеться, чтобы не совершить такого элементарного промаха. Теперь же пришлось возвращаться к той самой развилке и опять подниматься вверх, но уже по нужному ручью. А когда мы поднялись к самому перевалу, то неожиданно выяснили, что для работы проще не переходить хребет, а остаться здесь, так как отсюда было гораздо удобнее добираться до всех рабочих точек. Хотя само место, прямо скажем, было никакое. Деревьев нет, один кустарник, ручеек такой, что даже ведром воду зачерпнуть трудно, проще кружкой черпать, ну и взгляд все время упирается в сопку, куда не смотри. Но, так как начальником нашей небольшой головной группы был как раз геолог из разряда «все равно, где кости бросить», решено было лагерь разбивать на этом совершенно неживописном месте.

Жили мы здесь три или четыре дня, пока не подошла основная группа. С ней подтянулся и наш главный геолог. Первый его вопрос был: «А что места получше не нашлось?». Спросил и, не отдохнув с дороги, ушел на перевал. Через пару часов вернулся и дал команду сворачивать лагерь и перебазироваться. Тут я поясню, что геологический полевой лагерь – это все-таки не туристический. В том плане, что свернуть лагерь не значит просто свернуть палатки. Во-первых, сами палатки натянуты на каркасы, вырубленные из молодых лиственниц, которые с собой не перевозятся, а на каждом новом месте делаются по-новому. Во-вторых, в каждой палатке изготавливаются нары тоже из подручных материалов. Добавьте сюда геологическое оборудование, уже набранные пробы, печки и другое лагерное оборудование и вы поймете, что переезд с одного места на другое почти сравним с переездом на новую квартиру в городе. Но делать нечего – раз начальство решило, значит, так тому и быть. Сворачиваем лагерь, выучим лошадей и начинаем подниматься на перевал по какой-то звериной тропе. И вот когда я со своей парой лошадей вышел на вершину, то просто остолбенел. Такой красоты я еще не видел. Передо мной простиралась живописнейшая широченная долина, окруженная со всех сторон высокими горами, таящими в голубой дымке. Внизу петляла, разбиваясь на множество небольших рукавов и образуя галечные косы, красавица Река, по берегам которой рос величественный лес. Мне почему-то сразу вспомнилась любимая с детства кинокартина «Земля Санникова». И теперь я как будто стал участником того фильма...

Мы спустились вниз и разбили лагерь на опушке леса, у берега реки. Вода рядом. Дрова – целый лес вокруг. Но, наверное, самое главное для меня – «вид из окна». Каждое утро, проснувшись и выйдя из палатки, я, как замороженный, по несколько минут стоял и смотрел на долину реки, на горы, на лес. А возвращаясь в лагерь, после тяжелого маршрута, знал: я возвращаюсь домой, а не в «место, где кости бросить». Вот с тех самых пор, путешествуя, я очень трепетно отношусь к местам своих стоянок.

Но вернемся на реку Дон. Проплывая на своем катамаране мимо заросших крапивой и борщевиком глинистых берегов, я никак не мог найти хоть сколько-нибудь живописное местечко. Между тем начал накрапывать небольшой дождик, и просвета среди набежавших туч не предвиделось. Как-то очень быстро наступил вечер, и резко потемнело. Делать нечего, я выбрал небольшой затишок у берега, где течение было послабее, привязал к дереву катамаран и натянул палатку прямо на палубе, побросав в нее все, что могло намочнуть. Сам юркнул в палатку, зажег фонарик и застегнул «молнию». И вот тут-то я оценил всю прелесть своего усовершенствованного палубного судна. На улице проливной дождь, а ты лежишь в сухости и тепле и только мягко покачиваешься, как в люльке, когда переворачиваешься с боку на бок. Красота!!!

Часа в два ночи я проснулся. Дождь закончился. Стояла абсолютно не реальная тишина. Только вода еле слышно журчала вдоль баллонов моего катамарана. И тут раздался громкий плюх. Потом еще один, потом еще... Нервы мои не выдержали, я вылез из палатки, схватил удочку и стал делать забросы прямо в ночную тьму в направлении, в котором, как мне показалось, были слышны эти плюхи. Минут через десять я начал подмерзать, так как выскочил из палатки, не одеваясь. Еще через десять я продрог окончательно, плюнул на «монстра» и полез в свою «каюту» досматривать сны. Только залез в спальник, согрелся и начал засыпать, как опять, у самого борта – «плюх!». День сурка! Опять выскакиваю из палатки, хватаю удочку и делаю забросы в ночную тьму. Снова через некоторое время замерзаю и заваливаюсь в палатку. Но теперь уже с твердым намерением не обращать никакого внимания на визиты подводных обитателей. С тем и уснул.

Утро после ночного дождя всегда особенное. Все вокруг умыто, чисто, блестит и сверкает. Над рекой висит небольшая туманная дымка, а лесистые берега наполнены птичьим пением. Я решил размяться и немного осмотреть окрестности, но, по-видимому, хоть и умылся, все еще не до конца проснулся, так как совсем забыл про глинистые берега. Поэтому

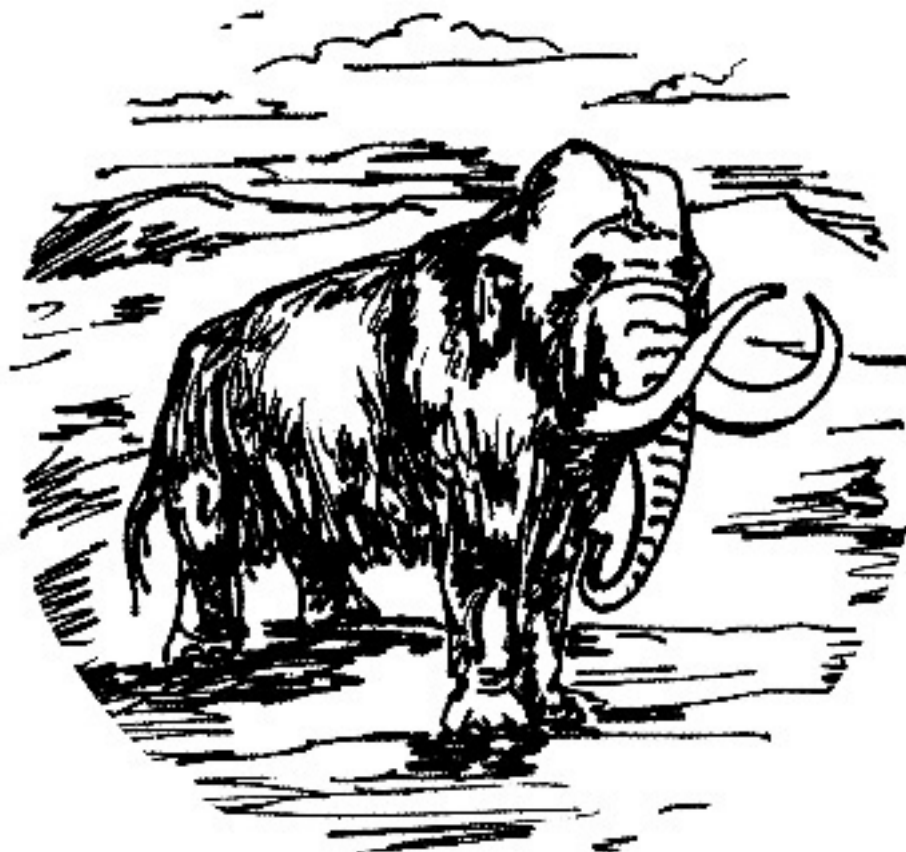
первый сделанный шаг на берег, оказался и последним. В том плане, что я поскользнулся и скатился по скользкой глине прямо в воду. Утро сразу перестало для меня быть чистым и светлым. Тем более что, как оказалось, этот участок берега был густо покрыт гусиным и утиным пометом. Видимо, не я один выбрал это место для стоянки, но и пернатые представители из соседней деревни. Пришлось отстирываться и купаться. Все правильно, нет худа без добра. Я чистый, свежий и в уже хорошем настроении отчалил от своего импровизированного причала.

Буквально за следующим поворотом моему взору открылся большой песчаный пляж. Вот, где отличное место для стоянки! Но вчера так внезапно начался дождь, что я даже не рассматривал карту. Хотя, даже если бы и рассмотрел пологий берег, вряд ли бы изменил свое решение о стоянке. Это сейчас ярким солнечным днем кажется, что тут совсем рядом, а ночью, да еще под дождем расстояния имеют особенность многократно увеличиваться. Поэтому сейчас, наверстывая упущенное, я решил причалить к берегу и побродить по отмели с нахлыстовой удочкой. Через четверть часа у меня в зачете оказались пара мелких голавликов и несколько жирных уклек. Пора двигаться дальше. Примерно через километр должна начаться территория заповедника Галичья Гора.

Это, кстати, самый маленький заповедник в нашей стране. А интересен он тем, что здесь сохранились и растут очень необычные для средней полосы растения. Такие виды можно встретить в Альпах, на Кавказе, Урале и даже в Монголии, Туркменистане и Киргизии, но никак не в европейской части России. Да, еще забыл сказать, что здесь обнаружены растения, типичные для подтаежной зоны Западной Сибири. Вот такой набор! И все это в одном, причем в очень компактном, месте. Неудивительно, что теперь эта территория охраняется и имеет статус заповедника. Но есть здесь и еще одна необычная для равнинной реки особенность, которая сразу же бросается в глаза. Это скальные выходы пород или обнажения, говоря геологическим языком. Хотя на самом деле это, конечно же, не скалы, а известняк. Он образовался в те далекие времена, когда на этом месте плескалось море-океан. Миллионы лет всякие там рачки, моллюски и прочая живность, отмирая, образовывала толстый слой донных отложений. Происходило все это в так называемый девонский период. Чтобы долго не морочить вам голову с подсчетами миллионов лет, скажу только, что это было задолго до появления первых динозавров. Затем под воздействием различных геологических сил все это спрессовалось и получился твердый известняк. Уже, можно сказать, в наше время русло реки прорыло себе здесь дорогу и вот мы видим настоящий каньон по среди равнины.

Я остановился в очередной раз напротив наиболее живописных «скал», чтобы немного пофотографировать и что-нибудь перекусить, а затем вновь отправился вниз по течению. Что касается рыбалки, то этот участок Дона мне как-то совсем не запомнился. Нет, рыбка ловилась исправно, особенно с моего усовершенствованного катамарана. Да и ловить стало гораздо удобней. Но вот каких-либо достойных трофеев мне не подалось. Может, просто не повезло, а может, не сильно старался. Чем мне запомнилось это плавание, так это своей расслабленностью. Я большую часть времени провел, лежа на палубе и наблюдая за облаками, в то время как река услужливо несла меня на своих «руках». Я только изредка отрывался от такого вот созерцательного состояния, чтобы поправить ход своего суденышка на изгибах русла. И так мне было хорошо, что даже отсутствие крупной рыбы никак не влияло на мое состояние. И думалось о том, что Мир совершенен, а когда ты не борешься с течением и не пытаешься выгрести против потока, то он, то есть Мир, совершенен тем более.

Дон в районе Воронежа

Интересно, а что нами движет, когда мы отправляемся в путь? Ну, рабочая командировка – это понятно. С семьей в отпуск на море – тоже без вопросов. Ну а если, как сейчас модно говорить, что-нибудь более экстремальное? Например, сплав по реке или хотя бы просто турпоход. Но в условиях дикой природы. Подальше, так сказать, от цивилизации и комфорта. Это то нам зачем? Жажда новых впечатлений? Желание испытать себя? Или что-то еще? Вопрос, как говорится, открытый.

Недалеко от границы города Воронежа в Дон впадает небольшая речушка – Ведуга. Ширина ее в среднем метров пять-десять. На плесах она немного разливается, но в некоторых местах сужается почти до ручья. С нее-то я и решил начать свое путешествие к Дону.

Речка на удивление, оказалась очень живописной. И это несмотря на то, что протекает она по самым, что ни на есть густонаселенным местам. Дело в том, что ее русло за многие тысячи лет прорезалось достаточно глубоко в землю, создав своеобразный каньон среди равнины. Берега этого, так сказать, каньона густо поросли деревьями и кустарниками, образовав местами абсолютно непролазную чащу. Получился некий изолированный затерянный мирок среди бескрайних сельскохозяйственных полей. Поверьте, пока находишься наверху, никогда не подумаешь, что рядом есть такой не тронутый человеком уголок природы. Да, хорошо – простор, птички поют, но цивилизация и присутствие человека чувствуются чуть ли не самой

кожей, всем нутром. А вот если спуститься к реке (это совсем нелегко, кстати), то как бы моментально переносишься в дикие леса Амазонки. Утрирую, конечно, но ощущения именно такие. И речка совсем непохожа на равнинную. Здесь и мелководные перекаты, и небольшие пороги и настоящие завалы из упавших и снесенных в половодье деревьев. Плынешь на байдарке по такой речке, а над тобой склоняются ветви, образуя природный туннель, и создается полная иллюзия дикой реки, протекающей вдали от цивилизации. Только иногда, доносящиеся звуки работающего трактора напоминают, что рядом миллионный город, до которого всего-то полчаса езды на автомобиле.

Пройдя пару небольших порожков и немного привыкнув к реке, я решил сделать небольшой перерыв на рыбалку. Нашел небольшой песчаный пляжик, вытащил на него байдарку, а сам взял в руки нахлыстовую удочку, привязал маленького искусственного жучка и отправился за голавлем. В этот раз я опять не стал брать с собой никакой еды в надежде на то, что река не даст мне сильно голодать. Тем более что опыт в нахлысте у меня уже какой-никакой появился, и поимка голавля перестала быть чем-то из ряда вон выходящим. Итак, я заметил небольшой омут, который образовался сразу за перекатом и забросил туда мушку. Буквально сразу же последовала поклевка, и небольшой голавлик оказался на крючке. Но я подозревал, что в таком приятном месте должна быть рыбка и покрупнее. В азарте я размахнулся для следующего заброса и... мушка крепко засела в ветвях деревьев у меня за спиной. Совсем забыл, что здесь везде густые заросли и делать забросы над головой надо очень осторожно. Ну ладно, сам виноват.

Между тем, пока я возился с запутавшейся снастью, стало быстро темнеть. Это там, наверху, сумерки наступают не сразу. А здесь, как только солнце зашло за горизонт, почти мгновенно наступила ночь. Ну, хорошо, не совсем ночь, но стало темно. А лагерь у меня не готов. Мало того, где здесь поставить палатку, я даже не представлял. Я уже говорил, что причалил к маленькому пляжу. Так вот, он на самом деле был маленький, где-то полтора метра в длину и полметра в ширину. Но даже таких мест на реке оказалось немного. Если быть точнее, за весь сегодняшний сплав я встретил песок на берегу впервые. В большинстве своем все берега глинистые, обрывистые и заросшие. Если не деревьями, то крапивой выше человеческого роста. В общем, неправильные берега с точки зрения постановки палатки. Нет, конечно, всегда можно вылезти наверх и устроиться на окраине поля. Но, во-первых, это метров сто по крутому склону с палаткой, спальником, ковриком и водой. Да еще через заросли крапивы. А во-вторых, радости от ночевки на каких-то там сельхозугодиях я почему-то не испытывал. Тем более когда под боком «дикая» река. В конце концов я поехал от цивилизации, а не к ней. Поэтому я развернул коврик из пенки на надувном дне байдарки и расстелил спальник. А зачем мне палатка? Дождя не предвидится, комаров, как ни странно пока нет, а если и появятся, у меня есть репеллент. Получилось очень уютно и мягко. И за звездами хорошо наблюдать. Единственное, что не давало полностью насладиться моментом, так это досадное чувство голода. Как-то я увлекся сплавом, рыбалку оставил на самый последний момент и поймал всего одного небольшого голавлика. Толку от него никакого – уху не сварить.

Проснулся на рассвете. Попил пустой чай и пошел ловить рыбу. Пройдя в забродниках буквально десяток метров вверх по течению, я прямо перед собой увидел двух больших голавлей. Я даже не подозревал, что здесь такие водятся. На глаз примерно по полтора килограмма каждый. Меня аж затрясло немного. Тихо, стараясь не делать резких движений, я забросил своего жучка прямо перед мордой ближнего ко мне монстра. Ноль эмоций. Даже не шелохнулся. Течение отнесло мушку в сторону. Я размахнулся для второго заброса, но сделал это, видимо, не так осторожно, и голавли, испугавшись, молниеносно скрылись в глубине. Я сделал еще пару забросов вслед ускользнувшим надеждам и решил переключиться на ельца.

Елец в наших местах – это совсем небольшая, но очень красивая и бойкая рыбка, которая очень хорошо отзывается на нахлыстовые мушки. Держится эта рыбка стаями, и поэтому, пой-

мав одного, можно надеяться с этого же места выдернуть еще несколько экземпляров. Основной метод в охоте за ельцом – ловля апстрим, то есть вверх по течению. Как правило, елец кормится на мелководных перекатах, и, если внимательно смотреть, стайки этой рыбки можно увидеть заранее. Но надо учитывать, что елец – рыба довольно пугливая, то есть забросы лучше делать как можно более дальние. Мушку я использую сухую, которая плавает по поверхности воды. У меня для такой рыбалки есть специальные жучки-«муравьи», подаренные моим хорошим товарищем, увлеченным нахлыстовиком и вязальщиком Владимиром Курейчиком. Он, как ни странно, и дал мне первые уроки ловли ельца. Почему странно? Да потому, что живет он в Минске и в Воронеже у родственников бывает лишь раз в году, да и то не каждый год. Но наши реки в плане нахлыстовой рыбалки он знает гораздо лучше многих местных рыболовов, по крайней мере намного лучше, чем я.

Так вот, привязал я в качестве приманки одного из подаренных жучков-«муравьев» и стал выискивать ельца. Я, правда, довольно часто отвлекался на фотографирование. Дело в том, что глядя в воду в поляризационных очках, я стал замечать много, на мой взгляд, интересных композиций. То живописно изгибающиеся на течении водоросли, то странно торчащая под водой коряга, то россыпь мелких моллюсков на мелководье... в общем, я надел поляризационный фильтр на объектив фотоаппарата и предался не менее захватывающему занятию, чем рыбалка. Вы можете спросить – а как же голод, который, как известно, не тетка? На что я, абсолютно не рисуясь, скажу, что лично у меня чувство голода в таких ситуациях уходит куда-то на второй план. Забывается. Конечно, если не видеть пищи несколько дней, наверняка будет не до красот окружающего мира. Но в данном случае, когда я не ел всего меньше суток, увлекшись чем-либо, я голод не замечаю. Только потом, в перерывах или на стоянке, это чувство дает о себе знать.

Несмотря на мои занятия фотоискусством, я все-таки заметил стайку ельцов, и спустя некоторое время в моем садке скопилось достаточное количество рыбы, необходимой для полноценной ухи. Время между тем приближалось к полудню и, определив по навигатору свое местоположение, я понял, если хочу сегодня добраться до устья Ведуги и дойти до Дона, надо опять садиться за весла, тем более что совершенно неизвестно, есть впереди какие-либо препятствия или нет.

Как оказалось, сразу же за ближайшим поворотом реку преградил огромный завал из кустарников и стволов деревьев, который пройти по воде было абсолютно не реально. Пришлось разгружать байдарку и перетаскивать все по берегу. Причем вкруговую, то есть сначала поднимаясь, а затем спускаясь по крутому склону, так как пройти непосредственно около реки было невозможно. Но зато потом оставшийся участок до устья я проскочил очень быстро, нигде не останавливаясь, и в результате задолго до захода солнца сумел погрузить весла в воды Великого Дона.

Здесь с выбором мест для лагеря оказалось все гораздо проще. Но все равно я проплыл вниз по течению какое-то расстояние, прежде чем решил сделать привал. Настало время ЕДЫ! Я нашел на берегу пару брошенных кем-то березовых чурок и приготовился варить уху с помощью оригинального приспособления под названием «индейская свечка». Что это такое? Это довольно оригинальная конструкция кострища-печки. Берется отпиленная деревянная чурка (в моем случае березовая) и раскалывается пополам. Затем сердцевина выдалбливается топором и две половинки соединяются вновь и чем-нибудь скрепляются. Так как я находился не в глухой тайге, то тут же, рядом с лагерем нашел кусок проволоки, которой связал свое бревно. Внутри, как вы понимаете, образовалось отверстие. Осталось поставить чурку торцом на ровную поверхность, подложив под нее пару веток, толщиной с палец. Готово. Теперь в отверстие сверху надо забросить разжижку. Я использовал все ту же березовую кору, ведь лучшего материала для разжигания огня не придумаешь. Фактически получилась натуральная печка, где функцию самой печи и одновременно дымохода выполняет бревно с отвер-

стием в середине. Топливо – сердцевина бревна. А роль поддувала выполняют веточки, на которых эта чурка стоит. Причем есть и варочная поверхность – верхний срез бревна. Признаюсь, до этого момента никогда такой конструкцией не пользовался, только читал в книжках, но, если рассуждать логично, все должно было работать. И заработало! Правда, сначала из моей «свечки» повалил густой дым, и она напомнила трубу паровоза, но по мере разгорания сердцевины, дыму поубавилась и из «конфорки» показались языки чистого пламени. Я поставил на свою «плиту» котелок с рыбой и через пару десятков минут наслаждался вкусным и сытым обедом. Знаете, стоит иногда не поесть сутки, чтобы острее воспринимать вкус, запах и ценность пищи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.